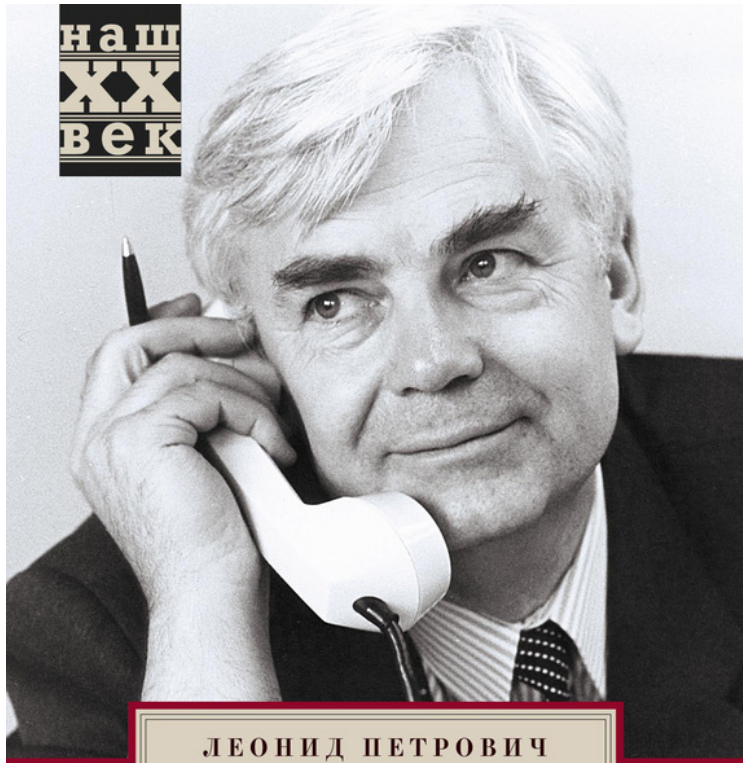


наш
XX
век



ЛЕОНИД ПЕТРОВИЧ

КРАВЧЕНКО



КАК Я БЫЛ ТЕЛЕВИЗИОННЫМ
КАМИКАДЗЕ

Леонид Петрович Кравченко

Как я был телевизионным камикадзе

Серия «Наш XX век»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18396927

Как я был телевизионным камикадзе / Кравченко Л.П.:

Центрполиграф; Москва; 2016

ISBN 978-5-227-05796-9

Аннотация

80-е годы... Начало эпохи гласности и демократизации. Первые телемосты с США, демонстрация «полочных» фильмов, рождение новых передач, появление новых ведущих. Хотелось смотреть все. Автор книги, легенда отечественной журналистики Леонид Петрович Кравченко, в то время руководил телевидением СССР. Эти годы он считает хоть и трудными, но самыми счастливыми и интересными в своей жизни. Ведь ему выпала историческая миссия – руководить нелегким процессом становления нового живого ТВ. О поражениях и победах, о том, что осталось за рамками телеэкрана, о закулисной борьбе за телеэфир двух главных политических фигур перестроечного десятилетия – Горбачева и Ельцина – он увлекательно рассказывает в своей книге.

Содержание

От автора	6
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	30
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Леонид Кравченко

Как я был телевизионным камикадзе

Издательство благодарит Антона Ореха за помощь в издании книги



От автора

Перелистывая свой фотоальбом, я всякий раз задерживаю взгляд на этой фотографии. Судьба свела меня с человеком, который, занимая самые высокие посты в Советском Союзе, стал не только выдающимся реформатором общественно-политической жизни страны, но и одним из главных разрушителей великой державы.

Наше общение с Михаилом Сергеевичем Горбачевым начиная с 1985 года, в бытность мою руководителем Центрального телевидения, а затем генеральным директором ТАСС и председателем Гостелерадио СССР, было очень тесным, порою каждодневным. Я очень близко знал этого яркого, неординарного политика, которому искренне благодарен за возможность свободно, без оглядок на «верхи», творить на телевидении. Он запретил всем, включая правительство, вмешиваться по мелочам и опекать меня на посту руководителя телевидения и радиовещания страны. Во многом благодаря этому нам удалось создать знаменитые телемосты, популярные программы «Взгляд», «До и после полуночи», «12-й этаж», «Телеутро», «Встречи в Останкинской студии», «Прожектор перестройки», «Проблемы, поиски, решения», в которых в прямом эфире отчитывались перед народом министры правительства. Радовались люди новым программам «Играй, гармонь!», «Шире круг», песенным конкурсам. И

даже глухонемые получили свой эфир.

Но счет истории суров. Крупные ошибки, допущенные Михаилом Горбачевым в ходе перестройки, необратимо привели к августовским событиям 1991 года, а меня, как и миллионы других людей в стране, сделали заложником этих событий.

Глава 1

Телевидение подросткового периода

Так случилось, что в мае 1967 года меня неожиданно пригласил на беседу в Шаболовский телецентр знаменитый человек – Николай Петрович Мушников. Заочно я знал о нем как об организаторе первых телевизионных новостей на советском телевидении. Еще в 1956 году ему поручили создать редакцию «Последних известий». Ему же доверили в 1957 году освещать Московский международный молодежный фестиваль. Всего лишь с двумя передвижными телестанциями и относительно небольшой группой теле- и кинооператоров телевизионщики умудрялись творить чудеса. А еще раньше, в мае 1956 года, Николай Петрович Мушников сумел при той же скудной технике провести первую в нашей истории телевизионную трансляцию военного парада и демонстрации трудящихся на Красной площади. По тем временам это было фантастикой.

В конце 1960 года Николаю Петровичу доверили создать московский канал телевидения. Именно так называлось тогда творческое объединение «Главная редакция передач для Москвы». И вот 16 января 1961 года по второму каналу вышел новый телевизионный выпуск «Московских новостей».

Но работников у Николая Петровича катастрофически не хватало. И понадобилось новое решение. Тогдашний председатель Госкомитета по радиовещанию и телевидению Сергей Кафтанов дал особое поручение главному редактору общественно-политических программ Константину Степановичу Кузакову выделить из своих рядов группу квалифицированных журналистов для московской редакции.

Дело оказалось непростым. Лишних людей не было и у Константина Кузакова. К тому же Константин Степанович был человеком с тяжелым норовом – как у отца. А между тем отцом его был, страшно сказать, сам Иосиф Сталин. Кузаков был внебрачным сыном вождя, рожденным в сибирской ссылке. Это официально знали и в ЦК партии, где, кстати, ряд лет Константин Кузаков руководил даже идеологическим управлением. Сам он родством со Сталиным никогда не бравировал, но держался всегда с достоинством, а главное – отличался глубоким аналитическим умом, взвешенностью решений и твердым неуступчивым характером. Так что выпросить у него кадровые единицы для Мушникова было архисложно. Борьба шла за каждого человека. Но тут вмешался Московский горком партии, и Константину Кузакову пришлось примириться с потерей нескольких своих «бойцов».

Ядро московской редакции составили В. Козловский, позднее руководивший Главной редакцией литературно-драматических передач Центрального телевидения, В. Стрельников, А. Вороткова, Э. Свердлова – дочь Якова

Свердлова, П. Доброхотов, Г. Боровик – будущая жена Генриха Боровика, И. Казакова – дочь советского посла, режиссеры Н. Колчицкая и Т. Кравченко. Люди, надо сказать, талантливые, они оставили яркий след в истории тележурналистики.

Руководителем же последних известий ЦТ, тут же переименованных в «Телевизионные новости», на первом канале стал знаменитый Юрий Фокин, о котором разговор будет особый.

Итак, с легким трепетом я вошел в крошечный по размерам кабинет Николая Петровича Мушникова, пригласившего меня на смотрины. Взглянув на Николая Мушникова, я впал в смятение. Со мной мягко поздоровался человек с изувеченным тяжелым ранением лицом. На месте правой стороны черепа – огромная вмятина, глубоко запавший невидящий глаз. Он заметил мое смущение и легким жестом руки, указывая на лицо, заметил: «Страшный след войны». Но потом улыбнулся: «Правда, голова работает исправно, иногда лишь по погоде мучают боли...»

Уже через минуту смущение прошло. На меня смотрел доброжелательный человек, который не скрывал, что пристально изучает собеседника. Признался, что ему порекомендовали меня. С легкой, чуть ироничной улыбкой сказал: «Говорят, что вы молодой, но уже талантливый, работающий и надежный...»

Перед Николаем Мушниковым лежали вырезки моих

публикаций из «Строительной газеты». «Вот внимательно ознакомился с некоторыми вашими статьями. Особо обратил внимание на репортажи по строительству Останкинского телецентра. Понравилось...»

После небольшой паузы спросил: «А вас не тянет на телевидение?» Я признался, что равнодушен к телевидению и даже успел два раза выступить на московском канале с рассказами о крупных новостройках.

– Знаю и об этом, – уточнил Мушников. – Но работа у нас адская – день и ночь и нередко без выходных. Не хватает кадров, но самое поганое – дефицит всего. Не хватает пленок, камер, осветительной аппаратуры. Выкручиваемся за счет кинолюбителей, фотографов и устной оперативной информации. Так что к нам идти – как на добровольную казнь...

На первой же беседе Николай Петрович показал мне объемную картотеку, где выстроилась целая вереница карточек в алфавитном порядке.

– Это мой кадровый резерв. Вот и на вас личная карточка уже имеется. – И он предъявил мне на картонном бланке мое коротенькое досье.

По всему чувствовалось, что Николай Петрович мне симпатизировал. И он предложил: «Давайте посмотрим редакцию». Рядом с его маленькими кабинетом было помещение, забитое столами. «Это служба новостей», – отрекомендовал он работников, едва вмещавшихся за столами. Потом отпра-

вились посмотреть маленькую монтажную и поднялись на второй этаж. Там кабинет был посолиднее, но за каждым из шести столов числилось по три-четыре «творца». Это был отдел тематических передач. Он выпускал уже ставшие популярными телеобозрения «Москва и москвичи», «Москва вчера, сегодня, завтра», сатирический тележурнал «Глаз за глаз...».

Потом Н. Мушников подвел меня к свободному столу и сказал: «А вот это стол моего первого заместителя. Присматривайтесь. Возможно, это будет ваш стол».

Беседа позже продолжилась. Мою кандидатуру утвердили на коллегии Госкомитета и в Московском горкоме партии. Так в июне 1967 года началась моя телевизионная биография.

К великому сожалению, мне не посчастливилось долго поработать вместе с Николаем Петровичем Мушниковым. Вскоре он тяжело заболел и через семь месяцев умер. Для всего телевидения и для меня лично это было тяжелой утратой. К тому же все тяготы руководства редакцией легли на мои плечи.

Такого адского творческого напряжения никогда не сваливалось на меня. Работал в каком-то угаре. И тем не менее это время до сих пор вспоминаю как великую школу телепознания, где всему пришлось быстро учиться: сценарному делу, режиссуре, монтажу, организации репетиций и даже неоднократно выступать в роли ведущего передач.

Во всех редакциях на Шаболовке теснотища была невероятная. Пройдет еще полтора года, и состоится великий переезд в Останкино. Но тогда, в 1967 году, телевизионщики сидели, как говорится, друг у друга на голове. На одну творческую группу приходился один стол. За ним сидел телевизионный редактор, а при нем еще значились режиссер, его ассистент, помощник и даже сценарист. Вместе собирались где придется: в коридорах, буфете, на дому, летом – в парках и т. д. Полностью редакцию можно было лицезреть лишь в дни зарплат.

Эта работа «на бегу», «на скаку» накладывала на готовые передачи отпечаток поспешности, торопливости. И тем не менее очень мало было среди нас равнодушных. Почти у каждого горели глаза, затевались бурные споры, дискуссии. Шел непрерывный поиск новых передач, новых форм, неожиданных телевизионных ходов и открытий.

Сегодняшние молодые режиссеры, их ассистенты, редакторы, репортеры, телеведущие, монтажеры и представить себе не смогут, что в те далекие годы не было, например, «синхронных камер». Нынешние «бетакамы» и прочие репортерские камеры, которые не только снимают, но и одновременно пишут звук, нам тогда и не снились. Представьте себе: кто-то дает интервью, камера его снимает, а звук через микрофон пишется отдельно. При монтаже видеоряд и звуковая дорожка этого интервью совпадали не более чем на две минуты! Дальше синхронизация разрушалась и артикуляция говоря-

щего начинала не совпадать с видео. Поэтому съемку приходилось останавливать, делать монтажные «перебивки», чтобы снова на те же две минуты синхронизировать видеоряд и звук.

С ужасом вспоминаю монтажные столы, которые были изношены и оставляли царапины на видеопленке. Получался брак неисправимый, и, чтобы выдать передачу в эфир, руководители редакции писали рапортики в телецентр о том, что брак они берут на себя. Технические службы телецентра таким вот образом сохраняли себе премии, перекладывая ответственность за плохое состояние техники, ее изношенность на плечи творческих работников.

Компьютерной техники не было и в помине, поэтому все титры, начиная от названия передачи и кончая фамилиями ее создателей, писались вручную художниками-текстовиками на планшетах. В студии на двух пюпитрах помощник режиссера выставлял в строгой последовательности эти титры, заставки и по команде в нужный момент ловко убирал их из эфира. Правда, не всегда удавалось сделать это быстро, и тогда телезрители неожиданно видели в эфире, как чья-то рука убирает на их глазах эти самые титры. А случалось и так, что в титрах художники делали орфографические ошибки, а еще хуже, когда в спешке помощники режиссеров выдавали титры, перевернутые вверх ногами.

Все эти накладки были сплошь и рядом. Из-за недостатка пленки (она лимитировалась) часто прибегали к помощи

фотографий. Фоторяд в передачах использовали так часто, что фото стало предметом искусства на телевидении. Телеоператоры в студии умудрялись путем отъезда, наезда, укрупнения, мягких, плавных переходов с одной фотографии на другую создавать маленькие шедевры фотоочерков на телевидении. Жаль, что сегодня этот прием используется редко.

Самый же большой недостаток того телевидения – отсутствие электронного монтажа. Склейки, к которым прибегали монтажеры, занимали много времени и снижали качество видеоряда. Эта техническая бедность, ограниченность изобразительных средств приводили к неожиданным, парадоксальным формам телепрограмм. Главное заключалось в том, что при отсутствии синхронных камер и электронного монтажа передачи, как правило, шли живьем. Практически все общественно-политические передачи выходили прямо в эфир. Так называемые «разговорные» телепередачи составляли основу общественно-политического вещания.

Конечно, при этом допускались многочисленные наклад-ки, всякого рода сюрпризы, которые так характерны для живого, открытого телевидения. Но парадокс как раз заключался в том, что они создавали эффект доверия у телезрителей. Старшее поколение хорошо помнит живые выходы КВН, когда юморески, шутки, прибаутки, конкурсы хотя и сопровождались накладками, оговорками, но были в цене за свою открытость, непосредственность, неприглаженность, за неповторимый «эффект присутствия» на событии в момент

его свершения.

Однако случались и такие накладки, которые сплошь и рядом вели к разборкам на самом верху. Ведь живые политические передачи всегда чреваты неприятностями. А времена-то были суровыми, спрос и контроль – жесткими. Вот почему каждое утро на телевидении руководители редакций и технических служб собирались в кабинете заместителя председателя Комитета по радиовещанию и телевидению Георгия Александровича Иванова. На планерках он дотошно разбирался с каждой ошибкой (даже в титрах!), каждой накладкой. При этом был суров, но справедлив. Мне тоже не раз приходилось бывать в его «бане», но обид не осталось.

Без преувеличения скажу, что Георгий Александрович Иванов обладал незаурядными способностями организатора и высокой эрудицией. Во многом благодаря ему удалось в какие-то три года не только осуществить переезд основных творческих подразделений в Останкино, но и втрое увеличить объем вещания. Он стоял у истоков большинства новых циклов телепрограмм, фильмов, общественно-политических, литературных и музыкальных передач. В паре с другим крупным государственным деятелем тогдашним председателем Госкомитета Николаем Николаевичем Месяцевым они смогли осуществить много новаций.

Одним из крупнейших телевизионных проектов того времени станет историко-революционный документальный сериал «Летопись полувека». Его подготовка и показ были

приурочены к 50-летию Октябрьской революции. Для создания каждого фильма были организованы творческие группы из числа лучших режиссеров, сценаристов, операторов, редакторов, авторитетных ученых, историков, консультировавших фильмы. Правительство своим решением выделило дополнительные средства, которые позволили закупить дополнительную телевизионную технику, оборудование, оплатить нелегкий творческий труд создателей уникального сериала. Убежден, «Летопись полувека» и сегодня остается ценным историческим документом своего времени.

В 50 фильмах по каждому году давалась историко-философская трактовка событий. Главной ценностью фильмов были и остаются факты, хотя трактовка их временами была идеологизированной.

Сериал показывался по телевидению в течение восьми месяцев. Истинной правдой является то, что миллионы людей с огромным интересом смотрели эти фильмы, а многие телезрители оказывались героями этих фильмов. Я сам свидетельствую, что огромное число людей торопились с работы к началу очередной серии. Усаживались у экранов семьями, вместе с друзьями и с гордостью смотрели, какими были их деды, отцы и матери и как много им удалось совершить. В том числе одержать историческую победу над фашизмом, восстановить от разрухи в послевоенные годы города и поселки, фабрики и заводы, построить новые гигантские электростанции, металлургические заводы, современ-

ные химические производства, новые железнодорожные магистрали...

Первый показ первой серии «Летописи полувека» состоялся 21 апреля 1967 года. А через две недели – 8 мая по телевидению и радио прошла торжественная церемония зажжения Вечного огня славы на Могиле Неизвестного Солдата у Кремлевской стены. Останки неизвестного солдата перевезли из района Дубосеково, где смертью храбрых пали 28 героев-панфиловцев.

Вот как вспоминает Николай Месяцев об этом поистине трогательном и горестном событии, когда на Могиле Неизвестного Солдата в присутствии всего руководства страны и знаменитых военачальников вспыхнул Вечный огонь славы:

«Шел май. Александровский сад под кремлевскими стенами наливался сиреневым цветом, на земле полыхали ярко-красные, как кровь, тюльпаны, а над всей Москвой висел легкий, словно пух, туман, едва пробиваемый солнечными лучами.

Через считанные минуты скажет проникновенные слова памяти павших Николай Григорьевич Егорычев – фронтовик, первый секретарь Московского горкома партии, мой сверстник и единомышленник, а за ним слова «Вечный огонь» повторяют благодаря телевидению и радио Москва, вся страна – от западных ее границ до восточных.

Николай Егорычев, произнося слова прощания, говорил сквозь сдерживаемые рыдания. Плакал и я.

Глядел я сквозь чугунную ограду Александровского сада, через Манежную площадь – вверх на улицу Горького, к гостинице «Москва», в сторону Большого театра – повсюду были люди, мои дорогие москвичи... У всех – слезы на глазах, слезы памяти горестных утрат в Великой войне, где мы оказались победителями над хитрым, сильным врагом, над фашистской Германией.

Было тихо. Очень тихо...

Тысячи людей ждали. Ждала вся многонациональная страна. Мы уже научились связывать воедино передачи телевидения и радио, синхронизировать их прямой выход в эфир. Часы отсчитывали последние секунды захоронения Неизвестного Солдата. И вот вспыхнул Вечный огонь на Могиле Неизвестного Солдата.

Грянул орудийный салют. Потянуло запахом войны. Зазвенела медь оркестра...

Я подошел к Брежневу, попрощался с ним и другими товарищами, забрал у Егорычева текст его выступления и пошел через Красную площадь в Замоскворечье, на Пятницкую, в Госкомитет.

Бывают минуты, мгновения, когда в тебя вливаются такие силы, которые, думается, не израсходовать. Не истратить во веки...»

Глава 2

Как создавалась «Минута молчания»

Но уже на следующий день ровно в 18.50 в эфир на телевидении и радио вышла знаменитая передача «Минута молчания», которая стала святым ритуалом в День Победы на вечные времена.

Но история создания этой поистине исторической передачи начиналась двумя годами раньше. Первой эта идея родилась у замечательной журналистки Ираны Казаковой, сподвижницы Николая Мушникова. Мы с нею знакомы и дружим уже более сорока лет.

А начиналось все так. В феврале 1965 года Ирану Дмитриевну пригласил к себе на разговор главный редактор редакции информации Центрального телевидения Николай Семенович Бирюков. Сославшись на руководство Госкомитета, он попросил: «Подумайте, чем нам ознаменовать двадцатилетие победы».

Дальше приведу слова воспоминаний самой Ираны Казаковой:

«Я принадлежу к типу журналистов, которым светлые идеи приходят во время хождения по длинным коридорам и формирования «вымученных» внутренних монологов. Но-

вый кадровик, который часто видел меня в коридоре, предложил уволить за «безделье». Но идея пришла именно в момент такого безделья. Я села и быстро написала сценарий будущей передачи-ритуала «Минута молчания».

Николай Семенович одобрил идею и прямо с рукописным вариантом сценария помчался к председателю Комитета по радиовещанию и телевидению Николаю Николаевичу Месяцеву.

Буквально через несколько дней меня вызвал сам Николай Николаевич, и начался долгий, мучительно захватывающий процесс создания «Минуты молчания».

Вместе со Светланой Володиной, редактором будущей передачи, запершись дома, мы сочиняли текст телевизионного варианта передачи. Аркадий Ревенко, комментатор радио, трудился над текстом радиоварианта. Тогда еще никому в голову не пришло, что передача-ритуал должна быть единой и на радио, и на телевидении.

Когда первые наброски текстов были готовы, Николай Месяцев объявил нам, что отныне каждый рабочий день для создателей «Минуты молчания» будет начинаться в его кабинете. Ровно месяц изо дня в день в девять утра мы уже оказывались в кабинете председателя комитета. Николай Николаевич, как он любил говорить, «сам брал ручку в ручку» и писал текст, который рождался по слову, по запятой. Это было действительно так: «в грамм добыча из тонны руды».

Часто к работе подключались члены коллегии комитета.

Хорошо помню подсказки первого зама председателя Энвера Назимовича Мамедова, еще одного зама Георгия Александровича Иванова.

Мучительные поиски каждой фразы, каждого слова продолжались. В те дни ни о чем другом не думали, ничем другим не занимались.

На радио готовилась фонограмма музыкального оформления ритуала. Режиссером радиопередачи стала Екатерина Тарханова, женщина редкостной человеческой красоты. Если к чему-либо она, как эллинская богиня, прикасалась, это сразу становилось значительным, талантливым, озаренным недюжинными способностями прекрасной женщины.

Встала задача: что делать с самой минутой молчания в эфире? На телевидении будет какое-то изображение. А на радио? Целая минута тишины в радиоэфире – дыра. Екатерина Тарханова с ее масштабом мышления и тонкостью воображения придумала в минуту молчания в эфире воплести перезвон кремлевских колоколов, которые сохранились в записниках Большого театра.

И не просто перезвон, а вызвененную на колоколах мелодию траурного марша «Вы жертвою пали». Партитура этого марша в исполнении на колоколах тоже была разыскана. Фонограмма складывалась как торжественная литургия.

Ждали текста. А он все выковывался. Страничка литого слова. Это должна была быть молитва.

Наконец поставили точку и поняли: ни вставить, ни

обратить из текста больше ничего нельзя.

Екатерина Тарханова, прочитав текст, долго сидела опустив голову. Кому дать прочесть молитву? Дикторам, чей голос знаком каждому? Актрисе? Самая большая опасность – сделать молитву театрализованной. Катя вышла в коридор и встретила Веру Енютину, диктора радио, чаще всего читавшую рекламу, которую у нас мало кто слушал. «Вера, – спросила Екатерина Тарханова, – ты можешь молиться?» – «Не знаю, – ответила Енютина, – давай попробую». Они быстро зашли в студию. Вера склонилась над текстом и очень скоро дала знак, что готова. Записали первый дубль, второй, третий. Но лучше самой первой записи ничего уже не получилось. Ее и стали накладывать на готовую фонограмму.

Сама «Минута молчания» открывалась великим голосом Юрия Левитана: «Слушайте Москву! Слушайте Москву! – Тревожно-торжественные звуки метронома приковывали внимание. – Слушайте Москву!» Из-под чеканки метронома выплывали тихие звуки «Грез» Шумана.

«Товарищи! – задумчиво и трепетно произнесла первые слова Енютина – да так, что сердце упало. – Мы обращаемся к сердцу вашему. К памяти вашей. Нет семьи, которую не опалило бы военное горе...» Звучала молитва, и если человек шел, он останавливался, замирал и не мог оторваться от голоса молящейся. Мы сидели в аппаратной студии «Б» на Шаболовке: Светлана Володина, Николай Николаевич Месяцев и я. Еще не отзвучали последние аккорды передачи,

как я слышала рядом с собой рыдания. Закрыв лицо платком, не стесняясь нас, плакал Николай Николаевич. Впервые в жизни я видела, чтобы зарыдал мужчина. И мы не скрывали своих заплаканных лиц. Это были святые слезы.

Мы поняли: радиовариант «Минуты молчания» готов. Лучшего нам не сделать. И конечно, передача должна быть единой на радио и на телевидении. Теперь начиналось не менее трудное – сделать вариант телевизионный. Найти единственно верное и точное изображение под молитву. Что должно быть на экране в такой момент? Предстояла тьма не только творческой, но и технической работы. Редактор Светлана Володина, режиссер телевизионного варианта Наталья Левицкая, помощники режиссера не выходили из кинопроекторной. Искали изображение, отбирая документальные кинокадры войны. Решили дать самые сильные, самые трагические кадры, запечатленные фронтовыми кинооператорами. Горы пленок. Снова «в грамм добыча из тонны руды».

Наконец смонтировали семнадцать с половиной минут изображения – именно столько звучал радиоритуал «Минута молчания».

Стали соединять пленку и фонограмму. Ничего не получалось. Кинокадры шли отдельно. Молитва отдельно.

Наталье Левицкой пришла в голову идея пригласить актрису, по образу похожую на известный во время войны плакат «Родина-мать зовет». Пригласили актрису, одели во все черное. Как бы от Родины-матери она стала читать текст, но

это был театр. Время шло, экран был пуст, придумать ничего толкового не удавалось.

Вдруг в один из вечеров наших мук, когда Николай Николаевич Месяцев был на телестудии, а мы обсуждали очередной вариант, он тихо сказал: «На экране должен быть только огонь, живой, бьющийся огонь». Мы ахнули. Предложение было гениальным.

Все наши помыслы были уже об огне. Какой огонь? Вечно-го огня в 1965 году в Москве не было. Где должен гореть этот огонь? Снимать ли его на пленку или это должен быть живой огонь в кадре? И тут посыпались предложения – одно смелее другого. Огонь решено было зажечь в студии. За работу взялись газовики, пожарные, декораторы, рабочие сцены. К черту полетели все правила противопожарной безопасности. Разрешали все – все службы телевидения. Стоило сказать: «Это для «Минуты молчания», как откликался каждый.

В главной студии телевидения на Шаболовке – студии «Б» – соорудили высокую стену. На экране она выглядела сложенной из массивных плит гранита. На стене выбили надпись – ПАМЯТИ ПАВШИХ. Около стены поставили гипсовую чашу, которая также смотрелась сделанной из гранита. К чаше подвели газовую горелку и зажгли огонь.

Начались бесконечные репетиции. Бьющийся во весь экран огонь производил неизгладимое впечатление. Работники телевидения, проходя мимо экрана, останавливались и заворуженно смотрели на живое пламя. Мы понимали,

что точнее изображения не придумаешь, потому что именно огонь сосредотачивает на себе все мысли, полностью концентрируя внимание. Молитва и музыка сливались с огнем в волнующее до глубины души триединство.

Режиссер Наталья Левицкая на всякий случай сняла огонь на киноплёнку, сделав кольцо из повторяющихся кадров. Она как в воду смотрела...

Близились 9 мая 1965 года. Степень нашего волнения подходила к предельному градусу. Передача была объявлена на 18 часов 50 минут.

9 мая все приехали на студию задолго до начала. Режиссер проверяла и проверяла готовность. Такая ответственная передача шла в прямой эфир. К назначенному времени в студии собралось все руководство телевидения и члены коллегии Комитета по радиовещанию и телевидению. У пульта были режиссер, ассистент режиссера, Николай Николаевич Месяцев, редактор передачи и я как представитель авторского коллектива.

Наконец зазвучали позывные. Сердце билось где-то у горла. Ассистент по команде режиссера нажала кнопку, и раздался голос Левитана: «Слушайте Москву! Слушайте Москву!» В кадре появилась гранитная стена и крупно слова – ПАМЯТИ ПАВШИХ. С первых же звуков «Грез» Шумана в кадре во весь экран запылал огонь. Величественный и негасимый, он бился как сердце, как сама жизнь. «Товарищи! Мы обращаемся к сердцу вашему, к памяти вашей...»

Все замерли.

Мы не чувствовали времени, оно нам казалось вечностью. Шла молитва памяти павших в Великой Отечественной войне. И вдруг раздался истерический крик режиссера: «Кольцо!» Мгновенно заработала кинопроекторная камера. Случилось то, чего мы все больше всего боялись, – огонь в чаше стал угасать. В долю секунды режиссер заметила это и успела дать команду включить киноленту. В кадре уже бился киноогонь. А в студии к чаше с огнем по-пластунски полз помощник режиссера, чтобы исправить случившуюся неполадку. Мы все вытянулись в сторону окна, отделяющего пульт от студии. «Спокойно, товарищи!» – сказал Месяцев. Огонь в чаше набирал силу. И вот снова включена студия. Молитва подходила к концу. Снова раздался голос Юрия Левитана: «Минута молчания». На пульте все окаменели. Из какой-то далекой глубины зазвучали колокола: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» И снова мертвая тишина. Только мощные фортепианные аккорды остановили эту торжественно-траурную минуту. Дальше зазвучала музыка Чайковского, Баха, Рахманинова, а мы все не отрывались от огня, каждый уже думая о своем, о своих погибших, о страшных пережитых годах и о Дне Победы двадцать лет назад.

Передача закончилась. Все молчали. Сидели опустив голову. Не было сил встать. «Спасибо, товарищи, спасибо!» – прервал молчание Николай Николаевич Месяцев. Стали потихоньку расходиться.

Все началось наутро. Первым на студии я встретила одного из телевизионных инженеров, Героя Советского Союза. Он подошел ко мне, взял мою руку и сказал: «Вы не знаете, что вы вчера сделали. Наш танковый корпус праздновал День Победы в гостинице «Советская». Собрались в 16 часов, вспомнили товарищей, выпили, хорошо поужинали. И вдруг на весь зал – позывные колокольчики. Танкисты встали. И семнадцать с половиной минут стояли не шелохнувшись. Эти закаленные боями люди, не знавшие слез, плакали. От нашего танкового корпуса великое вам спасибо».

Оказывается, в тот час во многих театрах Москвы были прерваны спектакли. По стране у уличных репродукторов стояли толпы.

Останавливались автобусы и троллейбусы. Люди выходили и присоединялись к слушающим.

Почту понесли пачками. Мы читали взволнованные строки и понимали, что тронули сердца миллионов людей. Воздали должное тем, кого унесла война. Из всех писем, которые пришли на телевидение и радио, я до сего дня храню одно. Это простая желтенькая почтовая открытка. На ней размашисто – адрес: Москва, Центральное телевидение, «Минута молчания». А на обороте текст всего в два слова: «Спасибо, Мать». Это была самая высокая награда всем нам, кто сделал эту передачу».

С тех пор прошло много лет. Каждый год 9 мая по радио и телевидению в 18 часов 50 минут звучит ритуал памяти

павших – «Минута молчания». За эти годы много перемен пришлось на долю этой передачи.

Уходили и приходили новые руководители страны и Гостелерадио. В бытность Л. Брежнева возникла даже тема «Малой Земли», где, оказывается, наступил решающий перелом в войне. В 90-х годах удачно будут вводить новые нюансы, нивелируя напоминания о советском прошлом.

Менялись и дикторы. На смену Вере Енютиной придет голос Юрия Левитана. Но теперь уже исчезнет молитвенное звучание текста. Более удачным окажется до сих пор звучащий голос Игоря Кириллова. Он мягче, задушевнее и, может быть, торжественнее, как напоминание о великих жертвах и великой Победе. Но того молитвенного обращения Родины-матери уже, пожалуй, никогда не произойдет.

Тем важнее снова вспомнить тот первый авторский коллектив, который создал великую национальную программу-реквием: Николая Месяцева, Ирану Казакову, Екатерину Тарханову, Наталью Левицкую, Веру Енютину, Светлану Володину.

Глава 3

Эфир ошибок не прощает

В 70—80-х годах программу все больше перегружали официальной государственной и партийной хроникой: переговоры, визиты, встречи, награждения, приветственные телеграммы по случаю каких-либо успехов. И, конечно, на первом плане генсеки, члены политбюро, министры... Эту программу считали главной государственной телепередачей, и ее, как правило, смотрело все руководство.

Прекрасно понимало это и руководство Гостелерадио, его новый председатель Сергей Лапин, и потому до самого начала вечернего эфира шел непрерывный прессинг со стороны руководства Гостелерадио, главного редактора службы новостей, выпускающих, режиссеров — доставалось всем. Нигде не было такой нервной обстановки, как в кабинете программы «Время». Но эфир жесток, он не прощает оплошностей. Поэтому накладки случались почти каждый день, а телевизионщиков все чаще мучили нервные срывы.

Ситуация усугублялась тем, что почти все наиболее важные события передавались в прямом эфире. А вожди наши дряхлели, и телевидение лишь подчеркивало это, что, на мой взгляд, все больше дискредитировало самих партийных и государственных «боссов». Сказать об этом прямо никто не

решался.

Самые неприятные, порой анекдотичные случаи происходили с Леонидом Брежневым.

...Вот он приезжает на торжественную встречу в Алма-Ате. В программе пребывания несколько встреч. На первой же из них – самой важной – Леонид Ильич выходит на трибуну, неспешно, как всегда, вынимает из внутреннего кармана свою речь и, слегка откашлявшись, приступает к чтению. Однако уже к четвертой-пятой минуте становится ясно, что он произносит речь, заготовленную для другой аудитории. Наступает замешательство. Да и сам Брежнев почувствовал, что произносит нечто не то. К нему из президиума заседания быстро подбегает помощник и вручает другой текст. Проявив потрясающее хладнокровие, Леонид Ильич начинает произносить нужную речь с теми же первыми словами обращения: «Дорогие товарищи!»

Конечно, последовали потом разборки на высшем уровне. Заодно удалось установить, что в разных карманах Л. Брежнева лежали разные речи. Просто не в тот карман он полез. Пожурили и телевидение, хотя прямой эфир не позволял никаких иных вольностей. Тем более что трансляцию вели наши друзья – казахские телевизионщики.

Конечно, в вечернем повторе все было показано чистенько. Как будто ничего не случилось.

Другой пример – совсем уж интимного свойства. Леонид Ильич прибывает в Кишинев. На перроне – море цветов,

встречают первые лица республики и три красавицы-молдаванки в расписных одеяниях и с хлебом-солью. Леонид Ильич обнимается, крепко целует каждую, а одну особо обнял и громко так сказал: «Ну, красавица, навести меня сегодня вечером...»

Эфир услышал, в стране услышали. А в республике острые на язык хохмачи в тот же день припомнили, как молодой Леонид Ильич, возглавлявший в прошлом Молдавию, был очень охоч до женского пола...

Самыми распространенными в Кремле церемониями были всякого рода награждения. У всех руководителей звездами и орденами грудь была украшена сполна. Больше всех, конечно, у Леонида Ильича, и эти церемонии он особо почитал.

Вот вернулся из космоса очередной экипаж космонавтов. На этот раз он был интернациональным, в команде был и польский космонавт.

Награждение и приветствие взял на себя наш генсек. Все торжественно обставлено. Рядом в шеренге – космонавты и высокие гости, включая польского посла.

...Пауза ожидания торжественной церемонии затягивается. Телекамеры уже все детали обстановки, приготовлений высветили. И вдруг раскрываются створки красивой двери дворца и появляется Леонид Брежнев. Он семенит ногами, буквально скользя по ковру, но почему-то идет не к гостям, а мимо – все по той же ковровой дорожке и доходит уже до

следующей двери. Но там створки вовремя открываются, и двое офицеров в парадной форме бережно разворачивают Брежнева и деликатно под руки препровождают его в нужное место – на коврик перед микрофоном. На этот раз текст уже приготовлен на столике и Брежнев, с трудом произнося слова, справляется с приветственным словом. Далее идет прикалывание звезд Героя, обьятия и мужские поцелуи...

Потом по программе – возвращение в Звездный городок. В автобусе – напряженная тишина. Всех не оставляет гнетущее состояние от увиденного на церемонии в Кремле. И тут в какой-то момент встает со своего кресла в автобусе Алексей Леонов и, имитируя шаркающее по ковру движение ног в Кремле генсека, вдруг обращается к награжденным, и особенно к польскому послу, с такими словами: «Ну как, ребята, наш лыжник вам понравился?» Хохот взорвал тишину, и дальше уже весело докатили до Звездного.

А рассказал мне эту историю наш замечательный космонавт Климук, который участвовал в этом полете вместе с поляком.

Особые сложности стали возникать при трансляции выступлений Л. Брежнева, когда он уже плохо выговаривал отдельные слова и буквально «проглатывал» отдельные слоги. Наши виртуозы-монтажницы нашли и тут выход. По подсказке руководства редакции стали извлекать те самые слова и слоги из других, уже записанных ранее речей Леонида Брежнева и совершенно блистательно вставлять их в свежие

речи. Телезрители, да и руководство государственное даже не догадывались об этих наших телевизионных фокусах.

Чем-то совершенно необычным обернулись смерть и похороны Леонида Брежнева и телевизионный вариант прощания с генеральным секретарем. Было хорошо известно на телевидении, что Л. Брежнев очень доверял председателю Гостелерадио Сергею Георгиевичу Лапину. Доверял в политическом, телевизионном и даже в чисто человеческом плане. Леонид Ильич слыл большим спортивным болельщиком, болел за ЦСКА. Но на стадион трудно было выбираться, тогда он звонил Лапину и говорил: «Сергей, очень хочу посмотреть сегодняшний матч ЦСКА, а по телевидению ты не показываешь. Окажи любезность, организуй трансляцию...»

Сергей Лапин и сам был заядлым болельщиком ЦСКА. Ну уж если просит Л. Брежнев, надо сделать, приходилось срочно ломать программу телевизионного дня и спешно отправлять передвижные телевизионные станции на стадион.

Рассказываю об этом потому, что смерть генерального секретаря для С. Лапина стала большой человеческой потерей. А тут еще так получилось, что за четыре дня до смерти, 6 ноября 1982 года, Леонид Ильич наградил Сергея Георгиевича Звездой Героя Социалистического Труда.

Но вот что вышло в день смерти Л.И. Брежнева. С утра в Останкино вместе с каким-то высокопоставленным человеком в гражданской форме пожаловал Сергей Лапин. Он был очень хмур, а на лице – скорбь. В кабинете генерального ди-

ректора программ собрались самые доверенные лица. Лапин сообщил о горестной вести, сообщил, что смерть произошла ближе к утру и теперь перед телевидением, прежде всего перед Генеральной дирекцией программ, стоит невиданная задача. За короткое время надо тщательно просмотреть, проанализировать все телепрограммы текущего дня и с учетом трагического события «почистить эфир», освободить от веселых развлекательных передач, от фильмов, репортажей, где могут возникнуть ненужные ассоциации.

Тут же было решено сформировать группу самых ответственных работников и немедленно приступить к оценке и отбору всех передач. Никому ни слова, из кабинета, где можно было на мониторах отсматривать любые программы, не выходить. Еду доставлять на рабочее место. По всем возникающим сомнительным моментам докладывать непосредственно С. Лапину.

Было также сказано, что день официально пока не объявляется траурным. Все откладывается на завтра.

Возник вопрос насчет концерта, посвященного Дню милиции. Он всегда напрямую показывался 10 ноября, и это был чуть ли не лучший концерт года. На этот вопрос человек в гражданской форме заметил, что концерт в Колонном зале уже отменен. Будут отменены и другие увеселительные мероприятия.

Конечно, трудно было не предположить, что по Москве быстро поползут слухи и тайну смерти Л. Брежнева не

скрыть. Тем не менее телевизионный эфир был поставлен под жесткий контроль. Приняли и другое важное решение: с завтрашнего дня все программы телевидения выстраиваются заново, как и положено в день траура, – симфонические и камерные концерты, соответствующие теленовости, реакция за рубежом, траурные мероприятия по всей стране с показом по телевидению и т. и.

Самое главное решение: два канала ТВ, первый и второй, работают в одном режиме, синхронно, на одной картинке.

Кстати, с тех пор так и повелось: как только умирали генсеки, первый и второй каналы синхронно показывали одни и те же передачи в траурном обрамлении.

Сами похороны Леонида Брежнева обернулись неприятным сюрпризом для телевидения. Все было как обычно: траурные речи, звучавшие с Мавзолея Ленина слова прощания, процессия с гробом к могиле возле Кремлевской стены. Но когда гроб опускали в могилу, вдруг сорвались веревки у изголовья. С большим трудом справились с этим невероятным инцидентом.

Но всевидящее око телевидения зафиксировало и этот исторический траурный эпизод, который потом расценивали неожиданным образом. Самый распространенный слух, воцарившийся среди народа, – быть великим переменам в стране?! Возможно, это в самом деле окажется великим предвестником скорых грядущих перемен. Но все-таки не таких скорых, как пытались предсказать тогда всякие звез-

дочеты. Пока наступит переходный период – андроповский, затем очень странный и скоротечный – черненко́вский период и только потом – горбачевский, который многое буквально перевернул в стране.

Глава 4

Через газету «Труд» – во властные структуры

Для телевидения того времени, да и всей прессы едва ли не главным стал вопрос об усилении не только пропагандистской, но и организаторской роли печати, усилении критического начала в работе печати. В значительной степени это было связано с приходом к власти после смерти Л.И. Брежнева Юрия Андропова.

Мне, к счастью, к этому времени было доверено возглавить самую массовую газету в стране, да и не только в стране, но и в мире, – газету «Труд». По своему главному предназначению она как центральный орган профсоюзов должна была защищать, отстаивать интересы трудящихся. И, пожалуй, именно в этой газете чаще всего появлялись острые критические публикации и велись крупные газетные кампании.

Но далеко не всем руководителям – и в правительстве, и в краях, республиках – нравились острые аналитические статьи.

Юрий Андропов в ту пору неоднократно высказывался в пользу критического анализа состояния дел в СССР, призывая телевидение, радио, газеты острее и более глубоко освещать глубинные процессы в обществе. Но после эпохи Л.

Брежнев эти призывы трудно прививались на практике.

Умные, трезвомыслящие партийные руководители в краях и областях сознательно стремились поддерживать критический дух на телевидении и в своих газетах. Они понимали, что это мощный рычаг управления. Поэтому даже подсказывали редакциям, по каким проблемам, по каким персоналиям следует выступить с критическим анализом. Каждое утро они начинали рабочий день с чтения публикаций свежего номера «своей» газеты. Отмечали прежде всего критические материалы, а нередко вырезки таких публикаций сопровождали резолюциями с поручениями своим подчиненным «Разобраться и доложить!». Руководитель мог и по телефону позвонить редактору газеты, пригласить на беседу автора статьи.

Звонки, конечно, были разные, не всегда приятные для редакций. Но уж если власть поддерживала газетное выступление, это был праздник. Вообще, забота о действенности СМИ была в те времена возведена на уровень государственной политики. И как страшно, неприятно сталкиваться ныне с полным равнодушием властей к публикациям в прессе, критическим теле- и радиопередачам. Порой такие сенсационные разоблачения видишь по телевидению, читаешь в прессе – и хоть бы хны! Думаешь всякий раз: если это неправда – надо гнать в три шеи авторов сенсаций, а если правда – почему власти безмолвствуют? Народ это видит и тоже становится равнодушнее как по отношению к властям,

так и к прессе.

О неравнодушии некоторых видных деятелей к критическим выступлениям ходили легенды. Естественно, как со знаком плюс, так и со знаком минус. Очень болезненно реагировали на критику в центральной прессе партийные вожди Кунаев в Казахстане и Рашидов в Узбекистане, влиятельнейший первый секретарь Краснодарского крайкома партии Медунов.

И совсем нетерпим был к любому критическому слову всесильный глава МВД Щелоков. Доходило до идиотизма: даже крохотные критические заметки о милиции в центральных газетах приходилось согласовывать в самом министерстве. Редакторы газет знали об особых связях министра с генсеком Брежневым, Черненко и откровенно побаивались Щелокова. Но ведь потом судьба этого человека, оказавшегося вне зоны критики, сложилась трагически. Так же, как и судьба первого зама председателя КГБ Цвигуна. Оба покончили самоубийством.

Образцом внимательного отношения к прессе считались тогда первый секретарь Томского обкома партии Егор Лигачев и первый секретарь Свердловского обкома партии Борис Ельцин. О лидере Томской области было известно, что каждый номер областной газеты «Красное знамя» он прочитывал дотошно, с цветным карандашом в руке. Считал для себя принципиальным поддерживать ее публикации. Время от времени Лигачев появлялся и в редакции, встречался с

журналистами и вел открытые беседы о материалах газеты. Иногда он устраивал в Томске акции всесоюзного масштаба. По инициативе Егора Лигачева на строительстве Томского нефтеперерабатывающего комбината прошла всесоюзная журналистская летучка. Пригласили на нее редакторов некоторых центральных, краевых, областных и даже многотиражных газет. Отбирали приглашенных по принципу: какое предприятие, область, край, республика прямо связаны с поставками оборудования, материалов и конструкций для строительства комбината, оттуда и звали журналистов. Надеялись, что они подключат через свои газеты местных поставщиков и ускорят сроки выполнения договорных обязательств. Да, в те времена редакции смело брали на себя организаторские функции. На этой летучке журналисты обменялись информацией, уточнили через организаторов ситуацию на стройке, графики выполнения работ и разъехались по своим территориям для оказания агитационной поддержки Томску. Кстати, в итоге комбинат пустили досрочно, и в этом была заслуга журналистов и Лигачева, который опирался на их поддержку.

В Свердловске Борис Ельцин предложил новую форму использования местного телевидения для открытого разговора с населением области. В прямом эфире свердловчане задавали своему лидеру самые разные, порой очень неожиданные и каверзные вопросы, а он на них терпеливо в течение нескольких часов отвечал. Какая-то часть вопросов все рав-

но оставалась без ответов – не хватало времени. Но и на них жители области через обком партии получали исчерпывающие ответы. А самые интересные проблемы, возникавшие по ходу телевизионных диспутов, становились потом предметом обсуждения на бюро обкома и с исполнительной властью. Так устанавливалась с помощью тележурналистов прямая и обратная связь власти с народом.

Еще одно важное направление, которое настоятельно приживалось тогда обществу, – правильно формировать общественное мнение, общественное сознание, опираясь на честное, правдивое изложение фактов, событий. И, конечно, журналисты обязаны нести в общество высокие нравственные и духовные идеалы. В прессе 80-х годов все это было. Минимум пошлости и грязи, всякого рода чернухи. Тогда не показывали по телевидению бесконечную цепь убийств, насилия, бандитских разборок, откровенных постельных сцен. Запрещалось даже подробное смакование технологии разбойных ограблений и покушений на человеческую жизнь. Нам говорили: «Зачем вы показываете по телевидению, печатаете в газетах инструкции на тему, как обмануть, как ограбить, как изнасиловать... Побольше нравственных оценок и анализа того, что является источником зла, какие экономические, социальные и иные корни в обществе становятся первопричиной роста преступности, пьянства, наркомании и прочих негативных явлений. Искоренять надо дурные дела, а не их последствия». Правильно, между прочим, гово-

рили, и как это стало сегодня актуально!

Еще один важный принцип – обращение СМИ к социальным болям общества, к фактам бедной, неустроенной жизни миллионов простых людей. Нерешенный жилищный вопрос, низкие заработки, несовершенство пенсионной системы, высокий травматизм на производстве, плохое медицинское обслуживание, бездомные дети, правовая незащищенность людей и многое другое постоянно находилось в центре журналистских исследований.

Конечно, журналистика, телевидение должны были информировать, просвещать и развлекать, но главным оставалось умение слышать чужую боль, горечи человеческие. А они, как правило, выплескивались через письма читателей, которые редакции получали мешками, и многие из них публиковались. По ним проводились расследования на местах, оказывалась материальная и юридическая поддержка людям. Это укрепляло доверие к прессе миллионов сограждан. Через письма обеспечивались и поиск новых тем, а главное – обратная связь с читателями. Народ в массе доверял своим газетам, журналам, телевидению и радио. Вот так создавался эффект народности прессы 80-х годов.

В этом смысле уникальный опыт работы накопила газета «Труд», которая в ту пору была самой популярной в мире. Мне посчастливилось руководить «Трудом» в течение пяти лет – с 1980 по 1985 год. Тираж газеты вырос за это время более чем на 8 миллионов и достиг рубежа 19 миллионов 700

тысяч экземпляров. С этим тиражом газета попала в Книгу рекордов Гиннесса.

Помнится, за год «Труд» получал свыше 630 тысяч писем, из них около 520 тысяч – «крики о помощи». Именно так мы в редакции называли читательскую почту, в которой содержались просьбы и жалобы по самым острым социальным проблемам. Эти письма тщательно анализировались. По существу, они определяли план редакции на самых острых направлениях.

Что больше всего волновало тогда людей, на какие «слои», тематические группы можно было разграничивать письма? Больше всего их приходило по вопросам заработной платы и премирования – примерно каждое седьмое письмо. Задержки выплат, ошибки в распределении премий, несправедливое присвоение разрядов, отказы от доплат в выходные дни... Причем по недостаткам в премировании почта увеличилась почти на 20 процентов.

Второй крупный слой почты «Труда» был связан с пенсионным обеспечением. Поднимались в основном «вечные» вопросы о порядке назначения пенсий. Например, на 22 процента возросло тогда число запросов и жалоб по назначению пенсии колхозникам. Сказалось прежде всего слабое знание правовой основы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.